

понять, принимая во внимание только рациональные моменты. Ментальность консервативна, она изменяется значительно медленнее, чем экономические отношения, социальные институты.

Понимание масс и их поведения крайне необходимо политикам. Ведь, как правило, современные политики и политологи исходят из чисто рационалистической точки зрения, согласно которой политика есть учет и представление многочисленных интересов, которые имеются в обществе. А власть как центральный момент политики нужна для претворения тех или иных интересов в жизнь. Так понимаемая политика рассматривает массу как сумму индивидов, каждого из которого можно убедить и тем самым подтолкнуть к определенным политическим действиям. Несомненно, политика самым тесным образом связана с учетом и претворением в жизнь определенных интересов, имеющих в обществе. Но, имея дело с массами людей, она оказывается вынужденной считаться с поведением массы, с ее реакциями на те или иные политические события, с теми импульсами, которые толкают их к определенного рода поведению. И при этом выявляется, что поведение масс во многом бывает обусловлено иррациональными моментами.

Автор учитывает и высоко оценивает те многочисленные работы и достижения, которые сделаны в социальной психологии и социологии, в том числе и отечественной, в области исследования поведения толпы и масс. Предлагаемая читателю работа направлена на рассмотрение конкретной темы — выявления и анализа того, что социальная философия на протяжении всей своей истории занималась не только исследованием проблемы личности, но и масс, их места и роли в историческом процессе.

Данная работа выполнена благодаря поддержке Российского гуманитарного научного фонда.

ГЛАВА ПЕРВАЯ НЕВЕЖЕСТВО ТОЛПЫ И ЕЕ ПРОСВЕЩЕНИЕ

Трактовка масс в античности и Возрождении

Народные массы, толпа существуют с тех пор, как существует общество, хотя и по разному структурированными. Уже мыслители древности стремились так или иначе осознать этот факт, дать свое толкование роли масс в обществе. Солон, проведший свои знаменитые реформы в IV в. до н.э., писал, что каждый отдельно взятый афинянин — хитрая лиса, но когда они вместе собираются на собрание, то представляют собой стадо баранов. И Геродот, и Фукидид оперировали такими понятиями, как «многие», «масса», говорили об их «самонадеянности», «невежестве», «наглости». Сократ также придерживался такой характеристики, но считал при этом, что большинство людей можно обучить, что любой раб способен к постижению самых абстрактных понятий. И лишь ненависть к людям вызывает ненависть и недоверие к логическим доказательствам. Иными словами, Сократ связывает нравственность с отношением к обучению, с готовностью обучаться. Он оценивает античную демократию как безнравственную форму политической власти именно потому, что она не желает воспринимать знания, не понимает, сколь мало знают массы. Самокритичность выступает у него не только как мудрость, но и как возможность улучшения политической жизни государства.

Для Платона основная масса населения — это человеческое стадо, с которым не очень-то и стоит общаться. Демос, толпа, чернь вульгарны, душевный склад их крайне примитивен, это сильный зверь, который наделен достаточной телесной силой, чтобы выполнять тяжелую физическую работу. Трактую массу как человеческое стадо, Платон и искусство политического управления приравнивает к умению усмирять такое стадо. Политик подобен пастуху и его собаке, они не должны причинять овцам зла, обращаться с ними слишком сурово, они просто презирают их как низшие существа. Он не приемлет, противостоит представлениям античной демократии, согласно которым народ допускается к политической жизни, государственному управлению. Только наиболее мудрые мужи, т.е. аристократия, согласно его представлениям могут выполнять государственные функции. Разделение труда выступает у Платона основным принципом построения государства. Земледельцы и ремесленники, составляющие основную массу населения, должны быть благоразумными. Их добродетель — умеренность, послушание правителям, добросовестное выполнение своих обязанностей. Для Платона демократия предстает как осуществленная власть толпы, а тирания — как наихудшая форма государственного правления, ибо это незаконная власть, основанная на поддержке масс. Приветствуя народного вождя как борца за свободу, массы сами оказываются поработченными этим тираном. Платон исходит из того, что всех людей объединяет коллективное начало, и это начало всегда выше индивида и его интересов.

Взгляды Аристотеля по этим вопросам в основном совпадают со взглядами Платона. У него все люди, занимающиеся трудом, просто любой деятельностью по добыванию денег, выступают, подобно рабам, придатком государства. Это разделение заложено самой природой, согласно которой одни свободны, другие — рабы. К тому же это справедливо, ибо рабы, по Аристотелю, не об-

ладают рассудком. В то же время он трактует массы как нормальное явление политической жизни, считает, что массы, толпа, более того, массовая история сопутствует процессам политических изменений. Как и Платон, под демократией Аристотель понимает охлократию, т.е. власть толпы. А при помощи демагогов народ можно свести до уровня охласа. Известно, что Аристотель различал три хорошие и три дурные формы управления. К хорошим он относит монархию, аристократию и «политию» — смешение олигархии и демократии. К дурным он относит тиранию, чистую олигархию и крайнюю демократию.

Политические взгляды, отражавшие отношение к массам в древнем Риме, нашли свое выражение в известном лозунге: «Черни — хлеба и зрелищ», популярность которого не пропала и в наши дни. Цицерон воспринимал «новые толпы» как отбросы общества, считая их невежественными, глупыми, суеверными, поведение их рабским, к тому же они поддерживают демагогов. Об этом же говорил и Тацит.

Несколько иное отношение к толпе было у мыслителей эпохи Возрождения. По-прежнему толпа оценивается как невежественная. Этим объясняется ее приверженность к ярости, глупости, лени, неизменным привычкам. Например, Пико Делла Мирандола так пишет об этом: «Что такое плебс? Это некий полип, т.е. переменчивое и безголовое животное». Далее — «Глупость толпы и ее общественные бесчинства очень тяжки, ибо посреди ленивого плебса трудно и слишком тяжело сберечь размеренный порядок жизни, украшенность, покой и сладостный досуг». Народу и толпе свойственно всегда заблуждаться и ничего не знать. При этом он ссылается на Аристотеля, говорившего, что ложь часто выглядит правдоподобнее истины.

Но, в отличие от мыслителей античности, гуманисты Возрождения, говоря о толпе, имели в виду не только простой люд, не сословное деление, а людей невеже-

ственных, принадлежащих к любому сословию. Все это проанализировано в книге Л. Баткина «Итальянские гуманисты: стиль жизни, стиль мышления». Речь идет о противопоставлении невежественных мудрым, о тех, кто чужд, говоря словами Баткина, словесности и философии, кто пренебрежительно относится к ученым людям, к тем, кто освоил культуру, кто, по выражению Пико, «живет с плебсом вне шатра авгура», о людях греховных. У Петрарки, Бруни толпа включает в себя и монахов, и университетских схоластов, и надменных богачей. Так итальянский гуманист Гуарино пишет: «Я уже не говорю о людях средних и низших, но какого ты укажешь мне государя, какого короля, какого императора, которого ты не поставил бы в число мужланов и варваров из-за невежества в словесности?..». Боккаччо также противопоставляет плебейской толпе ученых людей. У него плебс состоит из трех категорий: первая — это «некоторые безумцы, которые возымили наглость и развязанность крикливо высказываться против всего... Эти люди усматривают высшее благо в кутежах и вожделениях, в ленном досуге... они селятся хулить бдения ученых мужей...». Вторые — это те, кто прежде чем увидеть двери школы и услышать имена философов, уже считают самого себя философом. Они слывут «учеными среди черни», рассуждают на собраниях, нахватавшись кое-чего и цитируя авторов, которых они не читали. Третьи — некоторые люди, облаченные в тоги, заметные по золотым пряжкам и почти королевским украшениям... они говорят, что поэты малоблагоразумны, ибо, занимаясь поэзией, тратят время, которое могли бы употребить бы на дела, приносящие богатства».

И далее Баткин подчеркивает, что гуманисты не относились к черни презрительно, с высокомерием, а исходили из того, что специфическим источником благородства стала культура, что сын Божий открыл тайну царства небесного только немногим ученикам. Толпе надо

обязательно возвестить эту Божественную мудрость, облегчив ее через вымысел, притчу. Чернь — согласно гуманистам, постигает истину в популярной, наивно — буквальной форме, тогда она становится для нее доступной. Поэтому Марсилио Фичини поясняет: «Божественные вещи непозволительно открывать черни». И одновременно с этими высказываниями атрибутом философии выступает необходимость приспособливаться к толпе. Изменение формы высказывания обусловлена необходимостью соизмерять истину с аудиторией. Для того, чтобы подняться над толпой, гуманист должен появиться среди нее и обратиться к ней. Иначе исчезла бы сама возможность сопоставления»³.

Свой подход к этим вопросам обозначает Никколо Макиавелли. Трактовку черни, народа он излагает в своем известном труде «Государь», где утверждает, что «народ постояннее и рассудительнее всякого государя. Не без причин народ сравнивают с гласом Божиим: в своих предсказаниях общественное мнение достигает таких поразительных результатов, что кажется, будто какой-то тайной способностью народ ясно предвидит, что окажется для него добром. что злом»⁴. Макиавелли отличает народ от толпы. Для него народ — это массы, упорядоченные законом, а толпа — это разнузданное, не упорядоченное законом скопление масс, вроде сиракузской черни.

Несмотря на то, что люди склонны скорее ко злу, нежели к добру, что народ невежественен, — читаем мы, — он способен воспринять истину и легко уступает, когда человек заслуживает доверия и говорит ему правду. Народ неспособен создать определенный порядок, не имея возможности познать его благо по причине царящих в нем разногласий, но как только народ познает благо определенного порядка, он не согласится с ним расстаться. Исходя из этого, он советует государю, правителю сделать народ своим другом, не отнимать его свободы. Пока ты делаешь им добро, они твои всей душой. «Луч-

шая из всех крепостей — не быть ненавистным народу: какие крепости ни строй, они не спасут, если ты ненавистен народу, ибо когда народ берется за оружие, на подмогу ему всегда явятся чужеземцы»⁵. Достаточно сослаться на пример Рима. Когда народ там хотел добиться нужного ему закона, он прибегал к подобным действиям или отказывался идти на войну.

Перед правителем всегда стоит дилемма: если он хочет создать великую державу, иметь многочисленный народ, то он вынужден его хорошо вооружить, наделить такими качествами, что потом он не сможет управлять им. Если же от этого отказаться и иметь возможность делать с народом что угодно, то такой народ станет трусливым и станет жертвой того, кто на него нападет. В первом случае дается простор для смут и общественного несогласия, во втором — необходимо всеми возможными средствами запретить завоевания, ибо это приводит к крушению. «Необходимость вынуждает тебя к тому, что отвергает твой разум, ибо дела человеческие находятся в постоянном движении... Необходимо следовать римскому строю и примириться с враждой, существующей между народом и Сенатом, приняв ее как неизбежное неудобство для достижения римского величия»⁶.

Народ, живущий под властью государя и потерявший свободу, становится грубым животным, свирепым и диким по своей природе. Он вскармливается в неволе, в загоне. Он не может научиться сам питаться, находить место для укрытия, поэтому он становится добычей первого встречного, который тут же может на него надеть ярмо. Макиавелли советует государю выяснить, к чему стремится народ, а стремится он прежде всего отомстить тем, кто оказался причиной его рабства и вновь приобрести утраченную свободу. При этом государь выяснит, что только небольшая часть народа желает быть свободной, дабы властвовать, все же остальные, а их подавляющее большинство, стремятся к свободе ради своей безо-

пасности. А для этого нужны такие законы, при которых власть государя предполагает общественную безопасность, и как только народ убедится, что не нарушаются данные ему законы, он будет спокоен и доволен.

Макиавелли исходит из того, что природа масс и государя одинакова, и те и другие в равной степени могут заблуждаться. Что касается непостоянства, переменчивости, неблагодарности народа, то эти пороки столь же свойственны и государям. Различия в действиях народа и государя порождаются не их природой, а той степенью уважения к законам, в рамках которых они живут. «Если мы сопоставим все беспорядки, произведенные народом, со всеми беспорядками, учиненными государями, и все славные деяния народа со всеми славными деяниями государей, то мы увидим, что народ во многом превосходит государей и в добродетели, и в славе... Достаточно доброму человеку поговорить с разнузданным и мятежным народом, и тот тут же встанет на правый путь. А с дурным государем поговорить некому — для избавления от него потребуется железо. По этому можно судить о серьезности заболевания.... Когда народ совершенно сбрасывает с себя всякую узду, опасаться надо не безумств, которые он творит, и не нынешнего зла страшиться — бояться надо того, что из этого может произойти... ибо общественные порядки легко порождают тирана»⁷.

Плебеи в массе своей крепки и сильны, но по отдельности слабы, пишет Макиавелли. Массы дерзко и многократно оспаривают решение своего государя, но как только они оказываются под непосредственной угрозой наказания, они перестают друг другу доверять и повинуются. Не стоит придавать большого значения тому, что сам народ говорит о своих дурных или хороших настроениях. Хорошие настроения можно поддержать, дурным воспрепятствовать. Но если недовольство порождено утратой свободы или любимого государя, то для обуздания недовольства нужны будут крайние меры.

Не существует ничего более ужасного, чем разнужданные, лишенные вождя массы. И в то же время такие массы довольно беспомощны, горячие головы малость поостынут, и они рано или поздно разойдутся по домам. Каждый в отдельности начнет сомневаться в своих силах, будет заботиться о собственной безопасности и пойдет на попятный. Только вождь может поддерживать внутреннее единство взбунтовавшихся масс и заботиться об их защите. Когда у народа нет вождей, народные недовольства легко устранимы.

Макиавелли различает свободный и развращенный народ. Развращенный народ не соблюдает законов, он наглый. При таком народе невозможно создать республику, тогда нужна монархическая власть, которая обузда бы испорченные массы. В его трактовке массы выступают источником силы, жизнеспособности государства, его устойчивости. И в то же время они — рассадник смуты и беспорядка.

Просветительство и его вера в разум масс

Для Нового времени, особенно для века Просвещения, был характерен уже особый интерес к народным массам, толпам, к взаимоотношению масс и власти. Исходной точкой для всех рассуждений на эту тему была святая вера в силу разума, в познание истины. Темный, невежественный народ надо просветить, воспитать подобающим образом. И именно это будет гарантией его счастья. Это соответствовало самому духу, идее Просвещения, которые выражались в том, что разум и есть орудие исторического прогресса. Различные просветители трактовали саму идею просвещения по-разному. Так Вольтер ратует за просвещенную монархию, надеясь, что умный, просвещенный монарх сможет создать разумное общество, в котором все будут равны перед законом. Он

отнюдь не сторонник народовластия. Известно, как горячо он боролся против официальной религии, и в то же время он видит в религии средство, могущее обуздать чернь, толпу. Вера в Бога выступает у него как полезная вера, гарантия общественного порядка, она помогает держать массы в повиновении. Именно поэтому он говорил о том, что если бы Бога не было, его надо было бы выдумать. Он исходит из того, что миром правят мнения. Поэтому самое главное сделать это мнение просвещенным, избавив людей, массы от предрассудков и невежества. Коль действия людей определяются исключительно мнениями, коль они властвуют над умами, то необходимо сделать мнения людей просвещенными.

У Гельвеция признается возможность изжития невежества народа, он прямо указывает на то, что в заблуждениях ума и таится настоящий источник бедствий человеческого рода, и посвящает целый раздел своего труда «Об уме» невежественности народа. Он пишет о том, что «Воспитание всемогуще. Воспитание делает нас тем, чем мы являемся. Справедливым можно быть лишь будучи просвещенным»⁸. Людям, однако, свойственны страсти, и языческая религия не гасила в них этого священного их огня. Известно, как велики привязанности народа к своему культу, к своим богам. Народ груб и суеверие является его религией. Чтобы открыть истину народу, Государь должен ему говорить эту истину, ибо она полезна, и дать ему свободу печати, ибо это средство открыть истину. Повсюду, где нет этой свободы, невежество, подобно глубокой ночи, охватывает все умы.

Характер и ум народов, согласно Гельвецию, изменяется вместе с формой правления; разные формы правления придают одной и той же нации поочередно то характер возвышенный, то низкий, то постоянный, то изменчивый, то мужественный, то робкий. При отличном законодательстве единственно порочными людьми были бы лишь глупцы. Поэтому во всех странах большую или